

Добрыня и Змея (2)

<...>Он кúда-то поезжал, просил у матери благословленья. Вот она его направила и говорит:

«Это, там захошь, — говорит, — купаться, и не плавай, — говорит, — на первую струю;

струя, — говорит, — зла и обманчива, обманит на вторú, а вторая относиста.

Отнесет на

третью, — говорит, — а с третьей тебе, — говорит, — не справиться: отнесет на синё морё».

Вот он там вот где-то жил, жил. <...> И захотел купаться. Вот и выплывает, это, на первú

струю, <...> отманило на вторú, со второй на третью, и он не можот уж боле справиться — унесло

на синё морё. Вот, унесло, и завидяла его Змея синя-огнянна. И вот и летит к ему:

«Волны-те волновали, — говорит, — проволновалисе,

Святы-те отцы писáli — описáliсе,

Люди-ти сказали — просказалисе;

Сказали, что от Добрыни Змéи смерть придет —

А тепере уж от Змéи Добрыни смерть пришла!»

(Уж никто и ничего, а уж и пришла смерть.)

«Вот, надо — и, говорит, — Добрынюшка,

Я тебя, — говорит, — на воды стоплю,

А надо, — говорит, — я огнем спалю,

А надь, — говорит, — да в хоботá схвачу

Да детя́м на гнездо йисть снесу!»

Вот он и, Добрынюшка этот, и говорит: «На воды жо ты меня возьмёшь, — говорит, — как

мёртвого — не пройдёт дак про тебя ведь никуда слава велика, — говорит.

Дай мне, — говорит,

— выплыть на сыру землю,

Матушки сырой земли покаяться,

И с белым светом распроститисе!

Тогда, — говорит, — бей как те хочется,
И как те можетсе!
И пройдёт про тебя, — говорит, — слава велика
Везде, по всем, говорит, землям,
По всем городам, по всем богатырям!..»

(Она и улетела.)

Вот выплыват Добрынюшка,
И выплывает Добрынюшка наш на сыру́ землю;
Он сам матушке сырой земли стал каятьсе
И с белым светом стал прощатисе.

(Она опеть летит!)

Опеть летит, опеть также выхвалееетсе:
«А надо, — говорит, — я на воды стоплю,
А надо, — говорит, — я его огнём спалю,

(Это: волны-ти волновалисе, — тоже выводила.)

А надоть, — говорит, — дак на тёпло гнездо исть снесу!»

А на то Добрынюшка ухватчив был:

Он схватил с головы пухов колпак
И почерпнул песку-хрещу сыпучего, —
И махнул во все чётые стороны,
И засыпал у ей все очи ясные:
Не увидела она свету белого,
И валилась на сыру землю.
И он на то был, Добрынюшка, ухватчив.

Схватил её сильни хоботы
И поднимал выше могучих плечей,
И опускал в сыру́ землю, —
И связав у ей все здохи змеинные.
Вот она тут ёму и змолиласе,
И змолиласе и Добрыне, покориласе:

«Оставь, — говорит, — Добрынюшка, хоть душу́ в теле, ши, для малых
деточёк!»

А ёму за беду́ пришло,
За горьку, велику досадушку показалосе.
Он бьёт ей пуще старого,
Бьёт и приговариват:
«Волны-те волновали — ведь не проволновалисе,

И святы-те отцы писáли — не описáлисе,
И люди-те сказали — не просказалисе;
Сказали: „Еще от Добрыни Змеи́ смерть придёт!”
Вот тут-то, говорит, от Добрыни Змеи́ смерть пришла!»
Вот она хвастала, хвастала, и ничего не смогла.

И вот про ёго и прошла везде слава великая,

По всем землям, по всем городам, по всем богáтырям,
До самого до главного богáтыря Ильи Муровеця.

(Зап. Л. Миронихиной, Е. Цветковой в июле 1975 г.: д. Лобан Мезенского р-на
— от Анфимовой Татьяны Ивановны, 82 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.